

...Есть город Вышеград

В центральной Европе появился новый центр силы. Не только старому ЕС, но и Кремлю придется это учитывать

Саммит лидеров стран Вишеградской группы в Венгрии. На фото: Андрей Бабиш, Дональд Туск, Петер Мадьяр и Роберт Фицо. Фото: AP / TASS

16:33, 2 июля 2026,

Василий Верменский

«Мы возвращаемся». Два коротких слова, брошенные польским премьером Дональдом Туском по итогам экстренной встречи Вышеградской четверки в конце июня, означали начало нового этапа политической консолидации Центральной Европы.

Премьеры Польши, Венгрии, Чехии и Словакии, собравшись в небольшом городке Гёдёллё близ Будапешта, обозначили курс на институциональное возрождение региона в качестве самостоятельного, жесткого и консолидированного политического игрока. После нескольких лет парализующих внутренних конфликтов, взаимных демаршей и дипломатической немоты Вышеградская группа намерена вновь говорить на международной арене единым весомым голосом.

СПРАВКА

Вышеградская четверка (V4), она же Вышеградская группа появилась 15 февраля 1991 года в венгерском городе Вышеград. Декларацию о создании нового союза подписали президент Польши Лех Валенса, президент Чехословакии Вацлав Гавел и премьер-министр Венгрии Йожеф Анталл.

Тогда это была еще тройка: Словакия присоединилась к объединению после мирного распада Чехословакии в 1993 году. Главной целью союза стало совместное возвращение в европейское и евроатлантическое пространство через вступление в НАТО и ЕС.

После достижения этой цели V4 не прекратила существование, а превратилась в площадку для

согласования позиций четырех стран по ключевым вопросам европейской политики.

Анатомия распада

Чтобы понять глубину нынешнего разворота, необходимо вспомнить, как и почему Вышеградская четверка фактически исчезла с радаров большой европейской политики. Расхожий штамп «Украина расколола блок» отражает лишь поверхностный слой тектонического кризиса. На деле деструкция затронула фундаментальные основы лояльности четырех государств, превратив некогда монолитный альянс в квартет, где каждый исполнял собственную партитуру. В период острой фазы кризиса (2022–2025 годы) национальные стратегии участников окончательно разошлись по четырем изолированным направлениям.

- **Польша** очень быстро заняла позицию главного бескомпромиссного военно-политического и логистического союзника Киева в континентальной Европе, сделав ставку на жесткий атлантизм, что превратило Варшаву в лидера «оборонного крыла» региона.
- **Чехия**, балансируя на позициях проевропейского центризма, сосредоточилась на активной военной помощи и выступила ключевым инициатором санкционного давления на Москву, выбрав курс на идеологический разрыв со старым форматом V4.
- На противоположном полюсе оказалась **Венгрия** под руководством Виктора Орбана, которая выбрала консервативный изоляционизм и сохранение диалога с Москвой; следствием этой стратегии стала глубокая политическая токсичность Будапешта внутри ЕС и

регулярная блокировка им макрофинансовых пакетов для Украины.

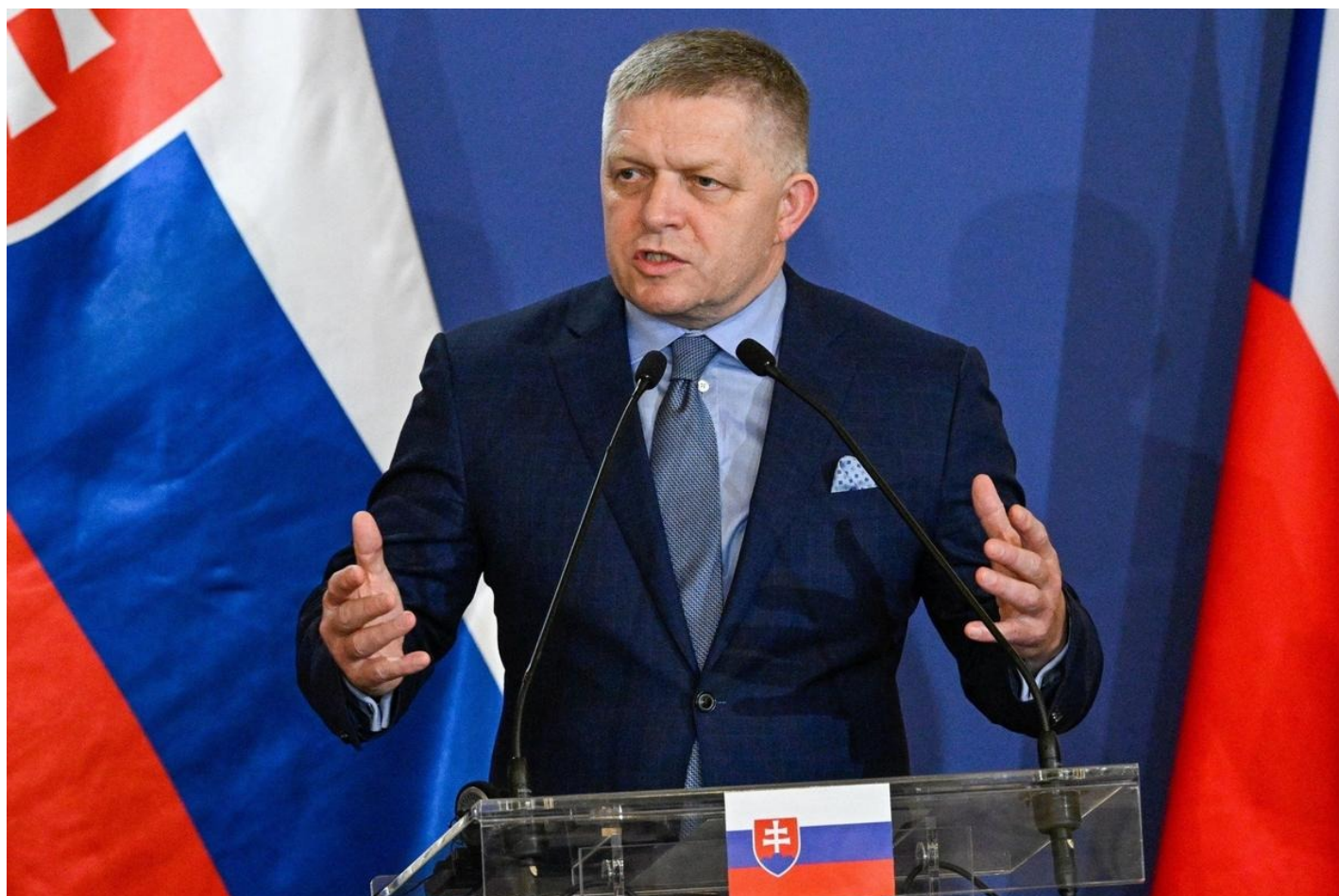
- Ситуация усугубилась, когда в **Словакии** к власти вернулся Роберт Фицо — его курс на социал-популизм, жесткий суверенизм и открытую критику европейских санкций лишь углубил внутренний раскол и окончательно парализовал работу Вышеградской группы.

Следствием этого паралича стало полное исчезновение V4 как единого субъекта. Формальные встречи отменялись, протокольные рукопожатия делались кое-как, а коллективный вес региона в Брюсселе стремительно приближался к нулю.

Второй фронт прагматизма

Что же изменилось в середине 2026 года? Почему лидеры, еще недавно демонстративно отказывавшиеся сидеть за одним столом, вдруг заговорили о «возвращении»? Ответ лежит за пределами украинского кризиса. Сама архитектура Европейского союза переживает глубокую трансформацию, которая диктует новые правила выживания.

- Во-первых, по всей Европе фиксируется устойчивый электоральный рост правых и евроскептических сил, радикально меняющий баланс сил в Европарламенте и Евросовете.
- Во-вторых, миграционное давление и необходимость защиты национальных рынков труда и капитала снова выходят на первый план, требуя от пограничных государств солидарных жестких мер, аналогичных тем, что V4 продвигала в 2015 году. Наконец, внутри ЕС обострилась экономическая конкуренция на фоне стагнации «локомотивов» — Германии и Франции. Центральноевропейские столицы испытывают нарастающую усталость от брюссельской централизации и попыток навязать сквозные регуляторные нормы в энергетике и экологии.

Роберт Фицо: «Мы не хотим быть объектом решений, которые принимает Брюссель. Мы хотим участвовать в принятии этих решений и быть максимально активными». Фото: AP / TASS

Наконец, ключевые триггеры — это начавшаяся закулисная подготовка нового многолетнего бюджета ЕС и неизбежное обсуждение условий будущего расширения союза. Государства «четверки», исторически являющиеся крупнейшими бенефициарами Фонда сплочения (Cohesion Fund), прекрасно понимают: если не скоординировать позиции сейчас, Брюссель перераспределит финансовые потоки в пользу новых геополитических приоритетов. Региональные коалиции стали вопросом выживания национальных экономик.

Мадяр вместо Орбана

Важнейшим катализатором перезагрузки стали кардинальные изменения внутри Венгрии. Появление на авансцене Петера Мадяра фундаментально изменило внутреннюю механику V4. Там, где Виктор Орбан действовал методами тотального

политического шантажа и вето, превращая Вышеград в токсичный бренд, Мадяр предложил принципиально иную конструктивную модель.

Вместо орбановского лозунга «бороться с Брюсселем до победного конца» Мадяр развернул конструкцию в сторону сугубо прагматичного подхода: «говорить в Брюсселе сильным и единым голосом». Это не капитуляция перед евробюрократией, но переход от бесперспективной изоляции к формированию мощного лоббистского кулака. Мадяр пытается сделать Вышеград не инструментом блокировки европейских процессов, а эффективным инструментом продвижения региональных интересов, что сразу вернуло интерес к формату со стороны Варшавы и Праги.

Петер Мадяр. Фото: AP / TASS

СПРАВКА

- **Дональд Туск (Польша):** самый влиятельный тяжеловес обновленной V4. Обладает прямым выходом на ключевые кабинеты в Берлине, Париже, Брюсселе и Вашингтоне. Именно он возвращает Четверке международную легитимность. Однако его уязвимость — жесткая внутривнутриполитическая борьба в Польше с президентом и оппозицией, требующая колоссальной концентрации ресурсов. Сам факт приезда Дональда Туска в Венгрию — событие, которое еще год назад казалось абсолютно немыслимым — доказывает, что региональный прагматизм и экономический расчет одержали убедительную победу над прежними персональными и идеологическими разногласиями лидеров.
- **Петер Мадяр (Венгрия):** главный драйвер и самый энергичный участник реанимации. Обладает огромным кредитом доверия внутри страны и новизной восприятия на европейской сцене. Его главный минус — отсутствие долгосрочной внешнеполитической репутации и необходимость постоянно доказывать стабильность своего курса партнерам.
- **Андрей Бабиш (Чехия):** жесткий прагматик и опытный экономический практик. Умеет филигранно договариваться и считать деньги. Бабиш лишен идеологических сантиментов, однако крайний прагматизм делает его позицию подвижной — он поддержит союз лишь до тех пор, пока это будет приносить прямые дивиденды чешскому бизнесу.
- **Роберт Фицо (Словакия):** наиболее сложный и неудобный партнер для Туска. Фицо, принимающий

председательство в V4 с 1 июля, объективно способен стать главным тормозом интеграционных инициатив. Но одновременно с этим без Словакии Вышеград географически и политически невозможен. Квартету придется учиться искусству тяжелых компромиссов.

Проект «Большого Вышеграда»

Наиболее амбициозным и одновременно дискуссионным элементом прошедшего саммита стала высказанная Петером Мадьяром идея масштабного расширения союза. Если воспринимать его заявления буквально, речь идет уже не о классической четверке — в повестку вносится контур широкого центральноевропейского политического пояса.

В орбиту потенциального взаимодействия предполагается вовлечь Австрию, Словению, Хорватию, Румынию и государства Западных Балкан. Мадяр упомянул даже скандинавские страны, однако именно североевропейский вектор выглядит наименее реалистичным: интересы и оборонные приоритеты Скандинавии фундаментально оторваны от специфических центральноевропейских проблем. Тем не менее заявка на южный и восточный фланги ЕС очевидна. Фактически предпринимается попытка создать не альтернативу Европейскому союзу, а мощнейший внутренний центр тяжести, способный переломить традиционную франко-германскую гегемонию.

Андрей Бабиш. Фото: AP / TASS

В духе старых добрых времен, когда железные дороги символизировали мир, экономический расцвет и дружбу между соседями по географической карте, Петер Мадяр предложил возродить эту объединяющую идею в современном формате. На саммите в Гёдёллэ венгерский премьер вынес предложение о строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали, которая свяжет столицы четырех стран — Будапешт, Братиславу, Прагу и Варшаву. Инициатива получила поддержку лидеров V4. Теперь страны планируют совместно добиваться финансирования проекта из фондов Европейского союза, превращая стальную колею в один из практических результатов возрожденного регионального сотрудничества.

Москве придется переучиваться

Теперь России снова придется иметь дело не с изолированными

столицами, а с координированным центральноевропейским субъектом внешней политики.

Москва последние годы концентрировалась на двусторонних отношениях — прежде всего с Венгрией и Словакией.

Возрождение V4 означает, что всё чаще придется иметь дело не с отдельными столицами, а с механизмом предварительного согласования позиций. Даже если внутри группы сохранятся серьезные разногласия, коллективный голос четырех государств с населением около 64 миллионов человек и значительным весом в институтах ЕС объективно сложнее игнорировать.

Дональд Туск. Фото: AP / TASS

Можно предполагать, что после завершения боевых действий в Украине Варшава и Прага станут превращать Вышеградский регион в главный элемент «санитарного кордона» и оборонного вала НАТО на восточном фланге. Они будут категорически

против возвращения к модели business as usual с Москвой, перенаправляя ресурсы на интеграцию Украины в центральноевропейское экономическое пространство.

В свою очередь, Будапешт и Братислава начнут адвокатируют частичное снятие санкций, мотивируя это восстановлением промышленной конкурентоспособности региона. Для Мадяра и Бабиша (как бизнес-технократа) Россия после Украины — это прежде всего рынок сбыта и дешевые энергоносители. Они попытаются вернуть V4 к роли «моста», или, по крайней мере, прагматичного хаба между Востоком и Западом.

Уязвимости новой конструкции

У реанимированного формата, конечно, остаются прежние уязвимости. V4 принимает решения только консенсусом. Разногласия по Украине никуда не исчезли. Отношения Польши и Словакии остаются непростыми. Чехия может сменить курс после очередных выборов. У группы нет собственных институтов, сравнимых с институтами ЕС. Предложенное расширение способно размыть идентичность V4: чем больше участников, тем труднее сохранять единство.

Однако возвращение Вышеградской четверки означает смену баланса сил внутри ЕС. Если этот проект окажется успешным, Центральная Европа перестанет быть лишь географическим пространством между Берлином и Москвой и вновь станет самостоятельным политическим центром принятия решений. Именно это и делает последнюю встречу в Венгрии событием, заслуживающим гораздо большего внимания, чем очередной региональный саммит.